

УДК 1

*Т. А. Волкова, В. И. Марков***ГУМАНИЗАЦИЯ И ГУМАНИТАРИЗАЦИЯ ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

В статье рассматриваются вопросы специфики военного гуманизма и гуманистического воспитания и образования в военных образовательных учреждениях.

Ключевые слова: гуманизм, военная среда, военное воспитание и образование.

*Т. А. Volkova, V. I. Markov***HUMANIZATION AND HUMANITARIZATION OF MILITARY EDUCATION**

The article is devoted to the possibility and specific essence of humanism in military environment and to the problems of humanistic education in military educational institutions.

Keywords: humanism, military environment, military education.

Введение в курс данной проблематики предполагает уточнение применяемого авторами понятийного аппарата. Часто термины, употребленные в названии, применяются почти как синонимичные, и описание проблем гуманизации сводится к вопросам о роли гуманитарных наук в процессе обучения. Однако, на наш взгляд, это требует уточнения. Гуманизация определяется степенью проникновения принципов гуманизма во все аспекты и образовательного и воспитательного процесса в военных учебных заведениях. А гуманитаризация есть повышение роли гуманитаристики в образовании. Это, конечно, важнейший, но далеко не единственный элемент общих проблем гуманизации.

Однако тогда для внешнего военному миру сознания, особенно воспитанного на либерально-интеллигентском пафосе антимилитаризма, сама постановка вопроса о гуманизме военных кажется чуть ли не кощунственной. Ведь в узких рамках такого мировоззрения формирование военного сословия, касты и т. д. – это воспитание профессиональных убийц. Они рабски подчинены военной дисциплине, теряя всякую самостоятельность и личностную идентичность, действуют как автоматы в целях, противоположных всяческой культуре вообще и гуманизму тем более.

Следовательно, вопрос о самой возможности и специфическом характере гуманизма в военной среде далеко не простой и требует особого философско-мировоззренческого обоснования.

Прежде всего, – о типах гуманизма как такового. О различных типах гуманизма говорили давно, и еще несколько десятилетий назад эта тема служила одним из важнейших предметов идеологической борьбы. Нам хотелось бы заострить эту проблематику, указав на объективно обоснованное присутствие в истории не просто различных, а полярных вариантов гуманизма, связанных по своему генезису не с какими-то конкретными общественно-политическими течениями, а с гораздо более фундаментальными характеристиками человеческого бытия в истории.

В начале наших рассуждений попробуем оттолкнуться от одного исторического факта. В Древнем Риме преследования первых христиан основывались, помимо юридических и прочих аргументов, на том, что они воспринимались как... человеконенавистники. Идея, кажущаяся совершенно дикой с современных позиций, но имевшая свои основания, если вспомнить о том, с какой точки зрения идеи христианства понимались в таком странном ракурсе. Для развращенного Рима люди, пытавшиеся сохранить свою чисто-

ту, отделившиеся от порочного мира, а иногда и выступавшие со страстными обличениями действительно могли представляться человеконенавистниками. Ненавистниками по отношению к именно такому человеку и обществу.

В данном примере обе стороны опирались на свое понимание гуманности. В одном случае речь идет не только о признании человека греховным существом, но и о его праве на греховность, о принятии его таким и только таким, каков он есть. С другой же стороны, признание человека греховным сочетается с требованием его развития, совершенствования, возвышения над собой и собственной склонностью к греху.

Итак, приятие человека, каков он есть в наличном своем бытии, или же создание нового, более совершенного типа человека? Вот вопрос, разделяющий два полярных типа гуманизма. Вопреки обыденному мнению, второй вариант, как видим, свойствен не только различным «тоталитарным» учениям.

Нетрудно заметить, что за различным пониманием гуманизма стоит, прежде всего, антропософская проблематика – нетождественное понимание самого человека, образа человека, что так часто лежит в основе отличий любых социальных воззрений. В одном случае человек рассматривается как существо, находящееся в постоянном изменении и борении с миром и с самим собой. Существо, преодолевающее себя в этой борьбе и возвышающееся над самим собой, сметающее любые заранее установленные пределы и горизонты бытия. В другом мировоззрении человек рассматривается как существо законченное, ставшее, из чего вытекает логическая необходимость принять его таким, каков он есть, или же отречься от гуманности по отношению к нему. Может ли человек быть успокоен в самом себе? Или же его удел – вечная борьба, в том числе и внутреннее преодоление

(джихад, христианство). Покой или же беспокойство составляют суть человека? Животная самоудовлетворенность бытием или вечное преодоление и «покой нам только снится»? Но надо помнить, что и в самом человеке сосуществуют два уровня, он и животное, и собственно человек. Отсюда эта внутренняя борьба, и наличие этих двух ипостасей, двух интенций бытия человека с необходимостью порождает два типа гуманизма.

С социально-философской точки зрения, речь, по сути, идет об объективном соотношении динамики и стабильности. Динамика развития требует принятия «мужского» типа гуманизма, а стабильность, отсутствие необходимости в данный момент мобилизации общества на решение исторических сверхзадач, предполагает возможность более либерального, «женского» варианта.

Из приведенных выше рассуждений явно следует, что в военной среде имеет право на существование только суровый «мужской» тип гуманизма, обусловленный рядом требований к личности, более соответствующий и самому составу этой среды и выполняемым ею общественным функциям.

Для нашего, преимущественно христианского по истокам культурного мира (хотя в данном вопросе и другие конфессии в основном согласны) вопрос о гуманизме носит специфический характер. Он должен быть соотносим не столько с абстрактными принципами гуманизма из различных международных документов современности, сколько с христианской традицией. Особенно с одной из центральных заповедей – «не убий». И разрешаем тоже, по возможности, он должен также в согласовании с общей исторической религиозной традицией.

Облегчает подступы к анализу тот факт, что по данному поводу имеются достаточные историко-философские основания. Имеются в виду дискуссии между сторонниками

абстрактно-христианского толкования этой заповеди (Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский) и их критиками (К. Леонтьев, С. Франк, И. А. Ильин).

Прежде всего, надо разделить формулировку требований на уровне идеала и в применении к реальному, явно несовершенному миру и человеку.

Необходимо при этом учитывать специфику именно новозаветного понимания заповедей. Заповеди Христа, в отличие от Моисеевых, – это не просто декларации и запреты. Они гораздо более духовны и потому более радикальны. Они оцениваются не только, а иногда и не столько по деяниям, сколько по их мотивации, по сердечным устремлениям. В итоге они кажутся почти невыполнимыми, по сравнению с Моисеевыми, если их рассматривать в том же ключе. Но их отличие в том, что их сущность процессуальна. Оценивается не просто выполнение или нет, а сам процесс устремленности к идеалу, движение к нему со смирением и покаянием. И именно потому они вечны, их полная реализация в греховном мире и греховным человеком невозможна, но они, находясь на горизонте бытия, становятся ориентирами бесконечного движения к идеалу человека и человечества в целом.

Поэтому такие идеальные нормы нельзя понимать как обязательные к исполнению в полном объеме «здесь и сейчас». Важно постоянно иметь их в виду как цель и ориентир развития и стремиться к ним, соглашаясь с греховностью человека и построенного им мира. Иначе они выглядят совершенно нереальными, утопичными, а значит, – в каком-то отношении бессмысленными. Чего стоит, например, пожелание мужчине не возжелать женщину в сердце своем. Совершенно утопичной с этих позиций выглядит и часто цитируемая мысль Достоевского о том, что никакой прогресс и мировая гармония не стоят слезинки ребенка. Ведь любой роди-

тель на опыте знает, что без запретов, наказаний, а значит и слезинок невозможно никакое формирование полноценной личности. Справедливо критиковал на этот счет Достоевского и К. Леонтьев по поводу идеи о том, что суть России как культуры в ее всечеловечности, способности воспринять и развить все чужое. Ведь, исходя из реальностей конкурирующего и враждующего мира, пока мы будем так все вбирать в себя, нас просто уничтожат, сотрут как особый культурный мир.

Напрямую с темой истолкования заповеди «не убий» в контексте страшных испытаний, выпавших на долю всего человечества и России в особенности в начале XX века, связана известная работа И. А. Ильина «О сопротивлению злу силою», которая, на наш взгляд, должна быть одной из основополагающих в мировоззренческо-воспитательном процессе для курсантов военных учебных заведений [1].

Истолковывая опыт Мировой и Гражданской войны, И. Ильин ищет духовные причины провала белого движения. И заодно опровергает инсинуации о якобы вообще недопустимости защищать силой свою правду. Основная проблема книги определена Ильиным так: «Может ли человек, стремящийся к нравственному совершенству, сопротивляться злу силою и мечом? Может ли человек, верующий в Бога, приемлющий Его мироздание и свое место в мире, не сопротивляться злу мечом и силою?» Автор приходит к выводам, что человек, не сопротивляющийся злу, рано или поздно приходит к необходимости уверить себя в том, что зло не является злом, и не сопротивляющийся злу сам уже зол.

Отдельные мысли И. Ильина как бы прямо вступают в полемику с некоторыми современными писаниями на эту тему. Он пишет, что сторонник «чистого» непротivления вместе со всем остальным человечеством пользуется плодами всей предшествующей борьбы со злом: всею своею

жизнью, безопасностью, возможностью трудиться и творить – он обязан усилиям, подвигам и страданиям тех, кто до него из поколения в поколение обуздывал зверя в человеке и воспитывал в нем животное, а также тех, кто ныне продолжает это дело. Именно благодаря тому, что находились люди, добровольно принимавшие на себя бремя активной борьбы со злодеями, эту, может быть, тягчайшую разновидность мирового бремени, – всем остальным людям открывалась возможность мирно трудиться, духовно творить и нравственно совершенствоваться. Сторонники «чистого» непротивления, пользуясь этими благами векового дуба, но, не усматривая того, что источник этих благ именно в нем, стали отдавать всю свою «добродетель» и свои досуги на то, чтобы подрывать его корни и повалить его. Внешние злодеяния христианин должен рассматривать как еще одно данное от Бога испытание, и уклоняться от них он не имеет права.

Истины ради, следует отметить, что эта работа А. Ильина была далеко неоднозначно воспринята в кругах эмиграции. Резко негативно отозвался о ней Н. Бердяев, заявивший в статье под названием «Кошмар злого добра», что книга есть болезненное поражение нашего времени и И. Ильин заразился ядом большевизма. Его поддержал Ю. Айхенвальд в статье «Злое добро». Этим тезисам вторила З. Гиппиус, обвиняя Ильина в «христианском натурализме», предании Царства Небесного ради устройства Царства Земного. Неожиданная помощь пришла из Русской духовной миссии в Иерусалиме, из писем архиепископа Анастасия Иерусалимского, который привел ряд аргументов по наиболее уязвимому аспекту работы И. Ильина – о христианском, богословском оправдании подобного подхода к проблеме военного гуманизма. Еще более усилил эту аргументация митрополит Антоний (Храповицкий), опровергнувший со ссылками на тексты Священного

Писания большинство идей «полуграмотных друзей» христианства, путающих Моисея и Христа, различия в их подходе к подобным вопросам. Ведь и сам Господь предписывал за нарушение заповедей смертные кары, а по Иисусу Христу злословящий мать и отца своего «смертию да умрет» (ср. Исх. 20, 12; 21, 16). И об отношении к военной профессии митрополит Антоний приводит интересный факт: епископ Феофан Затворник на запрос одной своей корреспондентки, благословит ли он отдать сына в военную школу, согласно его желанию или (кажется) в инженеры, согласно желанию его матери, отвечал: пусть будет воином, это благородная и достойная служба вере и отечеству [2].

При всей дискуссионности поднятых И. Ильиным проблем, несомненно одно: книга эта вошла в золотой фонд русской философской мысли, и она, пожалуй, глубже других может служить основанием для дальнейшей научной работы, связанной с рассмотрением специфики военного гуманизма.

Несколько другой аспект нашей тематики развивает в своем труде «Неволя и величие солдата» французский поэт-романтик, писатель и в молодости профессиональный военный А. де Виньи (1797–1863) [3]. Ведь гуманизм может быть присущ только свободной личности. Может ли быть таковым военный, который кажется штатским, как уже упоминалось, военной машиной, рабом дисциплины. Романтик во всех своих поэтических и прозаических произведениях, де Виньи, считавший, что честь – это поэзия долга, воспевал добровольно принятую на себя неволю (дисциплину, суровые условия быта и жестокую правду войны) как высшее проявление человеческой свободы. Но именно только в том случае, если это не навязанное судьбой и обстоятельствами решение, а именно свободное решение самого человека. Ведь и культура в целом – это не только, а чаще и не столько свобода,

сколько налагание на себя уз, умения управлять собой ради неких целей и идеалов. С этой точки зрения, военный профессионал – отнюдь не раб, а человек, понявший и принявший суровую необходимость защиты отечества, родных и близких и свободно жертвующий собой, многими жизненными благами ради своих убеждений. Эта диалектика воли и неволи, свободы и добровольно принятой необходимости, возведена у де Виньи в ранг высшей этической ценности, ранг величия.

Таким образом, даже этот краткий обзор показывает, что проблематика специфического военного гуманизма имеет под собой достаточно давние теоретико-философские основы, может и должна стать интереснейшим и практически востребованным направлением философских и культурологических исследований. Это позволяет нам перейти к рассмотрению реально возникающих проблем в современном военном образовании в России.

Прежде всего, следует отметить, что иногда гуманизации военного образования противопоставляется деятельностный подход в обучении военного специалиста, который, якобы, может завершиться превращением его в высокообразованного убийцу, которому безразличны люди и окружающая его природа. Все это значительно затрудняет решение проблемы гуманизации военного образования, которое является только одним из факторов, определяющих гуманность офицеров. Уже поэтому требуются серьезные комплексные исследования, охватывающие весь спектр проблем формирования нравственных качеств офицера – гражданина своей страны.

В России, несмотря на реформирование системы военного образования, по-прежнему сохраняется недооценка гуманитарной составляющей военно-профессиональной подготовки командных и инженерных кадров. До минимума сокращено время на преподавание гуманитарных дисциплин.

В военных академиях отводится 9–11 % общего учебного времени, в военных институтах – до 18 %. Сохраняется остаточный принцип учебно-методического обеспечения, планирования занятий, распределения учебной нагрузки кафедр гуманитарных и социально-экономических дисциплин [6]. Вместе с тем недостаточно убедительным выглядит мнение о том, что сокращение объема учебных дисциплин гуманитарной направленности в пользу военных специальных дисциплин («милитаризация» военного образования) приводит к снижению уровня нравственной подготовки. Исторический опыт показывает, что внешние факторы (установки политического и военного руководства страны, отношение общества к армии и др.) могут оказывать определяющее влияние на формирование нравственного облика офицеров. Кроме того, следует признать, что изучение таких дисциплин, как философия, политология, социология, психология, педагогика, иностранный язык, к сожалению, зачастую рассматривается слушателями и курсантами как дополнительная нагрузка, напрямую не работающая на их профессиональную подготовку по специальности. Это, впрочем, общая проблема, затрагивающая преподавание общественных наук в вузах негуманитарной направленности.

Помимо повышения эффективности преподавания гуманитарных и социально-экономических дисциплин, требуется принципиально усилить гуманитарную направленность оперативно-тактических, тактико-специальных, военно-технических дисциплин, т. е. в основу положить изучение не теории человеколюбия, а формирование человеколюбия в ходе всего процесса обучения. Другими словами, речь о формировании отношения к людям, построенного на любви к человеку, уважении к человеческому достоинству, которое должно «пронизывать»

изучение специальных военных дисциплин, а не выноситься за их пределы и тем более не противопоставляться им. Ведь именно в практической деятельности специалиста наиболее прочно усваиваются и закрепляются все основные навыки, в том числе – и навыки гуманного поведения.

Конечно, реализовать это далеко не просто. Принципиальные особенности, трудности и противоречия гуманизации военного образования в оперативно-тактической и тактико-специальной подготовке связаны с необходимостью формирования у военнослужащих знаний, умений и навыков, направленных на победу над врагом путем его разгрома, уничтожения или, по крайней мере, создания условий для навязывания ему своих требований, т. е. путем негуманных действий [5]. Командир в боевой обстановке вынужден подвергать опасности здоровье и даже жизнь подчиненных. Каким образом совместить с гуманностью приказ идти в атаку на противника или не делать «ни шагу назад» в обороне? Это задача творческая и не знающая стандартных решений.

Известно, что трактовка педагогики зачастую выстраивается по жесткой схеме модели «наполнительного» образования, которая предполагает наполнение курсанта чужим опытом. В некоторых пособиях даже заявляют, что нам нужны не интеллигенты, а интеллектуалы – люди, исповедующие прагматику. В военной педагогике на сегодняшний день имеют место яркие тенденции возврата к практике ориентации не столько на цели образования, сколько на преподавание отдельных учебных дисциплин как основы науки. В содержании воспитательно-образовательного процесса предпочтения отдаются «научению», но не развитию личности курсанта. Забота о формировании базовых знаний как основы подготовки военных специалистов становится самоцелью. Повторяется «пред-

метоцентризм», положение, сложившееся в образовании к 1970-м годам, когда уже стал очевидным тупиковый характер такой ориентации [6]. От этого страдает вторая составляющая конечного результата военной педагогики – подготовка офицера-руководителя. Содержание основных педагогических категорий – воспитание, образование, развитие, социализация – заменяется техническими категориями: тренировкой, упражнением, формированием, что в конечном счете становится просто «натаскиванием» только на профессиональные качества [7].

Чтобы знание стало гуманитарным, вне зависимости от учебной дисциплины (технической, естественно-научной, гуманитарной), оно должно обрести личностный смысл. Педагогический процесс, построенный на гуманитарных основаниях, выдвигает задачу преобразования стандарта образования из безличной формы всеобщности в личную культуру учащегося.

Гуманитаризация позволяет расширить рамки «наполнительной» модели образования. В данном случае речь идет о культуре самого педагогического процесса (профессиональной педагогической культуре). Именно в ней можно увидеть уровень сотрудничества и готовность к взаимопомогающему поведению преподавателя и курсанта. В материалах педагогической литературы, в дискуссии на тему гуманитаризации образования обычно выделяют следующие проблемы:

- отсутствие в российской системе образования программ и эффективных методик ненасильственного решения конфликтов, развития критического мышления, позволяющих человеку формировать собственное, независимое от чужого мнения суждение;
- исторически сложившаяся в нашей стране традиция отчуждения педагогов от гуманистических ценностей, демократических педагогических технологий;

- методик воспитания чувства собственного достоинства и толерантного отношения к иным взглядам, обычаям, культурам;

- наполнение учебных планов новыми предметами гуманитарного цикла, по содержанию не соответствующих задачам образовательного процесса конкретного вуза.

А ведь в традициях российского военного образования некогда были заложены совсем другие основы. По Уставу 1766 года, преподавание гуманитарных дисциплин в военно-учебных заведениях было впервые признано необходимым элементом офицерской подготовки. Также впервые в преподавании преследовались сразу две основные цели: общеобразовательная и воспитательная, так как «весьма остерегаться должно, чтобы не сделать молодых людей военными куклами, а вперять им дух, благонравие, бодрость и охоту к наукам...». И в Уставе первого кадетского корпуса читаем: «Сделать добродетельными и благочестивыми воспитанников; привить им точное исполнение обязанностей, прочное усвоение учебных дисциплин, чувства долга, преданности государю, повиновение начальству, почтительность к родителям, уважение к старшим, любовь к ближним» [4].

Особое значение придают этим вопросам новации в общей жизни воинского сословия. Командиры подразделений все чаще в своей повседневной деятельности сталкиваются с солдатами, курсантами, исповедующими то или иное религиозное учение, от традиционных (православие) до новомодных (сайентология), поэтому знание основ религиоведения необходимо для индивидуальной работы с военнослужащими. С середины 90-х годов XX века взаимоотношения российской армии и Русской православной церкви приобрели устойчивый характер. В 1994 году было подписано совместное заявление о сотрудничестве, в апреле 1997 года его положения были подтверждены Министром обороны РФ и

Патриархом Московским и всея Руси. Современному офицеру необходимо определить свое место и задачи в этой складывающейся системе духовно-нравственного воспитания воинов.

Актуальность изучению вопросов религии придает и современная военно-политическая ситуация в России и в мире. Наличие очагов локальных войн и конфликтов, волна террористических актов делают необходимым учитывать тот факт, что, по выводам военных психологов, в экстремальной и боевой обстановке религиозность военнослужащих возрастает и становится важным аспектом морально-психологического состояния личного состава. Да и самим этим локальным войнам, конфликтам, террористическим актам зачастую пытаются придать религиозную окраску.

Цель гуманитарной подготовки в военном вузе – дать офицеру определенную систему знаний о человеке и обществе, сформировать его мировоззрение, способность самостоятельно понимать, анализировать, критически оценивать современные политические, экономические, социальные, культурные явления и процессы. Важное место в реализации данной цели отводится культурологии.

Культурология как учебная дисциплина входит в блок гуманитарных дисциплин, изучение которых особенно актуализируется в сегодняшней России в связи с опасностью потери ее национальной идентичности, уникальности и самобытности. Еще большее значение освоение гуманитарных дисциплин, в том числе и культурологии, имеет для системы подготовки высококвалифицированных кадров Вооруженных сил РФ. Это связано не только со стремлением вернуть былой престиж человеку в погонах, когда офицеры как профессиональная группа в социальном (XVIII век), культурном, интеллектуальном (XIX век) плане стояли выше

любой другой социально-профессиональной группы населения в стране. Подготовка эрудированного, высококультурного офицера, который только и может считаться профессионалом и, следовательно, принести пользу армии, – это требование времени.

Особую актуальность приобретают при этом основы культурного развития. В частности – изучение русского языка и культуры речи. Сведение к минимуму гуманитарной и отсутствие языковой подготовки командных и инженерных военных кадров ведет к снижению уровня их профессионализма. Зачастую выпускники военных вузов вынуж-

дены осуществлять свою профессиональную деятельность, не имея четких представлений о специфике общения как особого вида взаимодействия людей, его этических нормах, об особенностях грамотной речи, стилистике современного русского языка, правилах оформления служебных документов. Лишь на первый взгляд может показаться, что без всего этого можно обойтись. На самом же деле даже беглое знакомство с деятельностью выпускников вузов убеждает в том, что низкая языковая подготовка является серьезной помехой в выполнении ими своих обязанностей.

Литература

1. Ильин И. А. О сопротивлении злу силою // Собр. соч.: в 10 т. – М.: Русская книга, 1996. – Т. 5. – 220 с.
2. Антоний (Храповицкий), митрополит. О книге И. Ильина «О сопротивлении злу силою» [Электронный ресурс]. – URL.: <http://monarhist.net/content/o-knige-i-ilina-o-soprotivlenii-zlu-siloyu> (25.03.2012).
3. Виньи А. де. Неволя и величие солдата. – Л.: Наука, 1968. – 192 с.
4. Алехин И. А. Развитие теории и практики военного образования в России XVIII – начала XX века. – М.: ВУ, 2002. – 210 с.
5. Андреев В. Е. Вопросы педагогики в профессиональной деятельности офицера войск связи: учеб. пособие / В. Е. Андреев, С. А. Дочкин, Г. В. Воробьев, С. А. Костарев. – СПб.: Инфо-да, 2008. – 172 с.
6. Теория и практика воспитания военнослужащих: учеб. пособие. – М.: МО РФ, 2005. – 346 с.
7. Золоторевский С. В. Цели, задачи, направления военного образования: статья / С. В. Золоторевский, А. А. Поршнева, С. С. Семенов // Теоретические и практические аспекты модернизации высшего профессионального образования: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф.; Кемерово – 2008 / под общ. ред. Н. Э. Касаткиной. – Кемерово: КВВКУС, 2008. – С. 11–14.